

Перепелятников Андрей Николаевич

Родился в 1939 году, подполковник в отставке. Живёт в г. Ульяновске. Автор ряда журнальных публикаций и сборника повестей и рассказов.

Первый учебник (рассказ-быль)

Родился я в 1939 году. Осенью 1947 года должен был пойти в первый класс. Но. Время то было послевоенное. К тому же у нас в Калмыкии, как и во всём Среднем и Нижнем Поволжье, в тот год случилась сильная засуха, свирепствовал голод. Мой папа с войны не вернулся. У меня, у стареньких бабушки Ульяны Титовны и дедушки Дмитрия Ивановича единственным кормильцем осталась моя мама, работавшая в колхозе.

В колхозе работало много женщин, мужа которых не вернулись с фронта. Чтобы облегчить участь вдов и детей погибших на фронте солдат в предстоящую голодную зиму, председатель нашего колхоза Иван Трофимович Гончаров, прошедший нелёгкими дорогами войны, осенью того года отправил вдов фронтовиков с детьми на Чёрные земли со скотом.

Чёрными называются земли, прилегающие к Каспийскому морю потому, что снежными зимами холмы и даже целые участки степи бывают не покрыты снегом – чернеют на фоне в целом покрытой снегом степи. С давних пор скотоводы Калмыкии и даже восточных районов Ставропольского края, перегоняли туда стада коров и овец на зимний подножный прокорм. Ведь степи Калмыкии засушливы, сенокосных угодий там, практически, нет. Травы в степях полупустыни едва хватает на прокорм скота с весны до осени.

«Нет у нас в этом году хлеба, но возле отар овец и гуртов крупного рогатого скота как-нибудь перезимуете», — сказал Иван Трофимович, отправляя нас в дальний путь.

На точке у артезианской скважины (Ныне посёлок Артезиан), возле гурта коров нас ребят и девочек от пяти до четырнадцати лет зимовало человек восемь. Среди нас была девочка Тоня Пастернакова, окончившая к тому времени четвёртый класс. Когда наши мамы уходили пасти стадо, или работать в кошару мы в хорошую погоду катались на льду возле артезианской скважины. (Из наклонной трубы этой скважины постоянно вытекает чуть солоноватая вода, а над вертикальным её отводком постоянно горит факел газа.) В дни, когда бывала плохая погода, все мы сидели в нашей тесной саманной избе, играя в различные игры. Часто играли в школу. Тоня была нашей очень строгой учительницей. Как могла она учила нас считать, читать и писать. Писали мы одним единственным на всех карандашом на обрывках газет, которые где-то доставал для своих самокруток однорукый гуртоправ добродушный дедушка Онуфрий. А единственным чтивом у нас был журнал Мурзилка, который мне перед отъездом на Чёрные земли подарила сестра моей мамы тётя Ефросинья.

Тоня и ребята уже посещавшие школу, на наших уроках читали нам малышам тот номер Мурзилки. Я не знаю года выпуска и номера того журнала, но до сих пор запомнил печатавшийся в нём рассказ о маленьком чёрном бедном мальчике, который зарабатывал себе на пропитание продажей питьевой воды. Большой кувшин с водой он носил по улице своего города на курчавой голове и кричал: «А! Гу –а! Холодная вода!...».

Через месяц наших уроков чтения все мы знали тот журнал наизусть, но читали и слушали читавших очень внимательно. Однажды со мной приключилась такая история.

Как-то перед новым годом, когда я ещё не умел толком читать, на нашу точку приехало несколько человек из правления колхоза. Гости, гуртоправ и наши мамы расположились за нашим учебным дощатым столом в центре комнаты, решая какие-то производственные вопросы. На улице дул сильный холодный ветер, гулять нас мамы непустили, не было и наших уроков. Забившись по разным углам комнаты, скучая, мы занимались кто чем. От нечего делать я слазил под нашу с мамой кровать, вынул из чемодана мою Мурзилку, уселся на кровати, стоявшей в дальнем углу комнаты, и принялся тихонько «читать». Сидевшая не далеко от меня на своей кровати Тоня строго глянула в мою сторону, и я стал читать так, как она всегда требовала на своих уроках – громко и с выражением.

Когда закончилось совещание, какой-то приезжий дяденька, изумившись моим хорошим чтением, подошел ко мне, желая высказать похвалу, и увидел, что журнал я держу верхом вниз. Смеясь, он громогласно объявил об увиденном. В комнате раздался дружный смех, а я закрыл журнал, отвернулся к стене и с горя заплакал...

Смех, смехом, но читать то я за ту зиму научился отлично. И когда на следующий год я пошел в первый класс, моим одноклассникам на самом первом уроке чтения я читал рассказ Л.Н.Толстого Филипок. Помню, и в тот раз я опростоволосился. В предложении «...Филипок так и замер...» слово Филипок было написано с переносом. Кончалась строка буквами «Фили», а буквы «пок» были перенесены на другую строку. Листы учебника «Родная речь», который я читал, были очень туго прошиты. Я чётко видел из-за изгиба листа только начало слова, но прочитывал его полностью. Следующую строку начинал чтение со слова «пок». Получалось моё чтение так: «...Филипок пок так и замер...» Учитель меня остановил, попросил прочесть предложение снова. Я прочёл его ещё раз и опять также, недоумевая, почему учитель останавливает моё безукоризненное чтение. Когда я прочёл предложение и в третий раз, учитель подошёл ко мне, взял у меня учебник, с усилием распрямив страницу, показал мне конец строки. Только тут я сообразил в чём дело. Смутившись, я сел на стул, положил голову на парту, закрыв лицо руками.

Чтобы поддержать меня, учитель отметил моё очень хорошее чтение и поставил мне первую в жизни пятёрку...

Пятёрки от нашего учителя, уволенного в запас офицера фронтовика, я получал не только по чтению, но и по арифметике. До окончания начальной

школы оценки мне снижали только за правописание (была тогда такая дисциплина в начальной школе) — у меня был и остался на всю жизнь очень плохой почерк. А это потому, что и в первом и во втором классе, как и на Чёрных землях, мы писали на газетах, из которых мастерили себе тетрадки. Тетрадки в клеточку, в линию, и для правописания в наших элистинских школах появились только тогда, когда я уже окончил второй класс.

Я успешно окончил среднюю школу, военное училище, на отлично окончил исторический факультет Томского Университета, но всегда помню мои самые первые уроки, мою самую первую учительницу и ту Мурзилку, которая была моим самым первым, и по сей день остаётся самым дорогим учебником.

Куколка (рассказ)

В город на Волге волею судьбы офицера я приехал в начале восьмидесятых. При знакомстве с полусонным областным центром многое мне, прослужившим почти четверть века в Сибири, казалось странным, интересным, привлекательным, а кое-что и удивляло. К примеру, еду я однажды на своём жигулёнке по одной из главных, очень широких улиц. На дороге начертано четыре полосы движения в каждом направлении. Неожиданно нагоняет меня автомобиль ГАИ с включенными проблесковыми маяками на крыше. В громкоговоритель инспектор приказывает мне принять вправо и остановиться. Я тут же выполнил его команду, готовясь к проверке документов, но гаишники поехали дальше, не остановившись. Я в недоумении что происходит, стал озираясь по сторонам. Заметил, что на ближайшем и на перекрёстках впереди и сзади меня стоят милиционеры в парадной форме, перекрывая движение. Через минуту показался кортеж из чёрных волг спереди и сзади сопровождаемых автомобилями ГАИ. Кортеж пронёсся мимо на большой скорости, и на улице возобновилось движение. Подумавши, что в город приехал как минимум член политбюро, я подъехал ко всё ещё стоявшему на перекрёстке милиционеру и спросил: «Кто приехал?». Выряженный в парадную форму страж порядка с гордостью в голосе поведал мне, что это первый секретарь ОК КПСС поехал в район... Меня, несколько дней назад приехавшего из Томской области это поразило. Первый секретарь томского ОК КПСС Егор Кузьмич Лигачёв везде ездил один, без сопровождающих его лиц и без милицейской охраны. Мне не единожды приходилось видеть, как приехавши на строящийся ТНХК, он выходил из своей служебной волги, подходил к багажнику, открывал его, вынимал из его чрева резиновые сапоги, снимал туфли, обувал сапоги. Туфли аккуратно ставил в багажник машины и отправлялся по стройке. Водитель, при этом, оставался на своём месте. А тут такая помпезность...

Второе, что меня удивило, так это то, что многие водители старались не ездить в центр города. А если очень надо было, старались не ехать по центральной улице мимо ЦУМа. Меня тоже предупредили, чтобы лишний раз я туда не совался. Как оказалось, дело было в том, что там часто несла

службу стройная, красивая и очень строгая инспектор ГАИ. Мало кто знал её настоящее имя, но все знали кто такая «куколка». Так прозвали ту стройную и красивую девушку инспектора ГАИ водители. Меня поразило то, что водители боятся только одного инспектора. «Неужели в этом городе есть только один настоящий инспектор?» — рассуждал я тогда.

Лет через десять, на том же уже потёртом своём жигулёнке ехал я однажды узкой улочкой правобережья. Вдруг на дорогу выходит полная женщина в милицейской форме и взмахом руки велит мне остановиться. Я принял вправо, остановился. Женщина открыла правую переднюю дверь машины, грузно плюхнулась на сидение и потребовала подвезти её до ГАИ. Я очень торопился по делам службы, и ехать по запруженной автомобилями улице к ГАИ времени не имел. «Тогда доведите меня до своей работы, а там уже не далеко. Поехали.», — сказала женщина. Но трогать автомобиль с места я не спешил. Женщина резко повернула голову в мою сторону, спрашивая взглядом, в чём дело. Я тихо произнёс: «Ремень». «Что!?» — рыкнула правоохранительша. «Ремень», — спокойно повторил я. Взбешенная женщина рванула ручку отпирания двери автомобиля, пулей вылетела вон и трахнула дверью так, что машина качнулась. С минуту я неподвижно сидел пораженный произошедшим. А всё дело в том, что в той полной женщине я узнал инспектора ГАИ, которую когда-то звали куколкой...

-Был в городе один настоящий инспектор и того не стало, — размышлял я в те минуты.

«И виновато в том не только время, — изменившее наших правоохранителей и внешность «Куколки», — говорю я себе сегодня, вспоминая тот случай, — а что-то другое, в борьбе с коим что только не предпринимали наши власти. Ни чего не помогает. Даже переименование дорожной инспекции, на что выкинули не один миллион денег российских налогоплательщиков.

Освободитель

1

Рядовые Ковальчук и его верный друг и земляк Плотников вернулись из длительной командировки. Командир роты дал им выходной. Это был рабочий день, поэтому в увольнение решили не идти, а потратить день на приведение своего обмундирования в порядок и просто побездельничать.

После завтрака постриглись, а потом решили постирать повседневку. Баня части, где это можно сделать, в тот день оказалась закрытой, и они решили воспользоваться своей неофициальной прачечной на территории соседнего управления механизации какой-то строительной организации.

Между невысоким дощатым забором части и длинным одноэтажным зданием цеха механизаторов были разбиты красивые клумбы. Вокруг волейбольной площадки с драной, провисшей сеткой стояли деревянные скамейки, а у самого забора лежали стопкой, видимо, оставленные ещё строителями, железобетонные плиты. Из стены здания цеха ближе к его торцу торчала труба с краном, для полива клумб и газона. Лучшего места

постирушки и не придумать: постирал повседневу, развесил для просушки, а сам ложись на плиты и загорай. Командиры тебя не видят, не беспокоят, а начнут искать – друзья свистнут, и ты через минуту в части. Но в этот раз случилась осечка: служивые постирали свои куртки и штаны и стали закрывать кран, но его заело, и вода с шипением продолжала из него течь.

Пока ребята натягивали меж забором и молодой берёзкой найденную тут же проволоку и развешивали постиранное обмундирование, у стены образовалась приличная лужа, и вода потекла за угол, где был вход в цех. Проходивший мимо седоусый, коренастый рабочий, увидев лужу, глянул за угол, увидел незакрытый кран и загоравших на плитах солдат:

– Ах вы окаянные! Почему кран не закрыли?! Вот я вам сейчас! Устроили тут, понимаешь, прачешную, так ещё и безобразничают!

Плотников хотел, было, объяснить деду, что кран не закрывается, что они пытались его закрыть, но, видя, что дед не на шутку распалился, а в руке у него уже палка, быстро сгрёб свои манатки и нырнул в кусты. Друг последовал за ним.

Дед, матерясь, стал закрывать кран, но убедившись, что он сломан, сходил в цех за инструментами, и принялся за починку.

Возвращаться на плиты не стали – в окно из цеха их снова мог заметить сердитый дед. Но не идти же в роту в трусах? Решили по пожарной лестнице взобраться на крышу цеха и расположиться там.

Часа через два их разбудил смех и возбуждённые голоса рабочих, вываливших из цеха на обед. Послышался визг и незлобная ругань молодой женщины, а потом громкий возглас какого-то парня:

– Сегодня – Иван Купала! Положено!

Парни осторожно глянули вниз. Молодые парни и девушки, словно играя в догонялки, поливали друг друга водой. Из открытых окон ра-бочей столовки лёгкий ветерок доносил приятные запахи. И в это са-мое время из цеха донёлся шум включенного станка. Парни заглянули в открытое потолочное окно освещения цеха и увидели склонившего-ся над токарным станком сердитого деда. Тот через привязанные засаленной верёвочкой на затылке очки сосредоточенно смотрел, как осторожно подводимый им резец снимал с детали длинную тонкую спираль – стружку. Ковальчук как замороженный уставился на масте-ра, который в тот миг творил что-то великое. А Плотников тем временем побежал к лестнице и быстро спустился вниз.

Явился он с конусообразным красным ведром в руке, до краёв наполненным водой. И, не говоря ни слова, с ходу плесканул из ведра на деда.

– Иван Купала!

От неожиданно холодного душа дед, ахнув, присел. А, услышав «поздравление», глянул вверх. В следующее мгновение он схватил с полки на станке какую-то, подвернувшуюся под руку железяку, и, как спринтер рванул из цеха за угол. Проворно спускавшиеся сверху солдаты, увидев деда,

бросились наверх. Дед подбежал к лестнице, вытирая ладонью мокрые волосы, и прогудел:

– Слезайте окаянные! Я вам покажу Ивана Купалу, я вам покажу!

Но озорники, пригнувшись, ринулись до другого торца здания, спрыгнули на крышу какого-то пристроя, оттуда сиганули на землю, потом через кустарник пробежали к забору части, перемахнули через него и, с оглядкой в сторону цеха, направились в свою столовую.

Из-за угла клуба показался капитан и два солдата, тащившие изготовленный из брусков и фанеры большой щит.

– Эй, бойцы! – крикнул капитан, – помогите нам отнести щит на плац.

Только беглецы взяли за края сверкавшего свежей белой краской щита, как из-за забора послышалось:

– А вот и они, голубчики! Ну-ка капитан, иди сюда поближе, я тебе кое-что расскажу. Иди – иди, не бойся! С собой возьми и вон тех двоих.

2

Капитан Соловьёв подошёл к забору и недовольно произнёс:

– Слушаю вас! Что случилось? Что натворили наши воины?

– А ты их, окаянных, сам спроси. Прикажи, пусть сами расскажут, чем они тут у нас занимались. Зови, зови их сюда.

Капитан, повернувшись к солдатам, кивнул головой, требуя подойти

– Ну, докладывайте капитану, докладывайте, чего отмочили!

– Извините, пожалуйста, я пошутил, – процедил Плотников.

– Ах ты, паразит! Видали! Он пошутил! Я такую деталь, такую деталь точу, а он на меня сверху водой! Ах ты, паразит! Видал, какие они у вас шутки шутят! Видал, капитан? Ну не нагнал я вас, не нагнал. Попадёшься ты мне как-нибудь. Попадёшься. Я те пошучу! Вот уж я те пошучу! Неделю на задницу не сядешь!

– Это правда, то, что говорит мужчина? – спросил капитан.

Парни, опустив головы, стояли молча.

– Ладно, идите, тащите щит. Его на плацу уже ждёт замполит, потом разберёмся. Мы их обязательно накажем, обязательно! Я даю вам слово, – протараторил капитан, обращаясь уже к деду.

Солдаты, козырнув и буркнув «есть», резво развернулись и поспешили к щиту, а дед, глядя им вслед, провёл мозолистой ладонью по жиденьким белым волосам своей головы, крякнул и коротко бросил:

– Слышь, капитан! Вы уж там того, пожурить этих сопляков, конечно, пожурите, как следует, а строго-то не наказывайте. Какие они солдаты? Детский сад, детвора. Чо они видели, службы то настоящей и не знали.

Капитан, подошёл ближе к забору, и, прикрывая от солнца ладонью глаза, внимательно посмотрел на татуировку, синевшую на левой части ещё крепкой дедовой груди:

– Вижу, вы танкист. Воевали?

Смутившись и прикрывая ладонью наколку с изображением танка и надпись «Броня крепка, и танки наши быстры», дед, махнул рукой, нехотя процедил:

– Да, было дело, как же. А это по молодости, по глупости, по глупости.

– В воскресенье у нас праздник, день части. В годы Великой Отечественной наша часть брала Берлин. Приходите, расскажите ребятам как воевали.

– Сначала мы, танкисты, Берлин окружили, обошли его с флангов, только потом пехота его штурмовала, – вставил дед. – Только потом.

– Вот и хорошо. Есть что рассказать. Ребятам будет очень интересно. У нас в части фронтовиков уже нет. Даже на праздник уже никто не приезжает.

Дед, бросив на офицера короткий взгляд, развернулся, дошёл до края плит и остановился. Потом медленно развернулся. Глянул на капитана, прищурившись из под густых бровей и буркнул:

– Ладно. Приду.

3

Утром воскресного дня на центральной площади небольшого городка капитан Соловьёв встретил нарядного, с орденскими планками на пиджаке фронтового танкиста Ивана Прокофьевича. Полковым автобусом приехали в часть. После торжественного собрания в клубе части, солдат развели по ротам и там перед ними

выступали прибывшие на праздник гости.

После мероприятий в ротах в солдатской столовой состоялся праздничный обед. С солдатскими щами и кашей Иван Прокофьевич справился быстро. Тихо поблагодарил соседей по столу, поднялся и прошёл к выходу.

По пути из столовой гость подошёл к стенду на плацу и стал внимательно изучать карту боевого пути части. Красными звёздочками были помечены города, в освобождении которых принимала участие часть. Когда к нему подошёл капитан Соловьёв, Иван Прокофьевич сказал, что воевал он в составе 5-й танковой армии. Их часть тоже изрядно поутюжила поля и леса России, Белоруссии, Польши, Германии. А сколько освобождали городов, не знает, не считал, но один русский город освободил сам.

– Вы один освободили город?

– Да, – выпалил танкист, – а минуту помолчав, продолжил, – ну не совсем, конечно, один. Хотя фактически я. Что ничего не придумал, я вам даю слово танкиста. Клянусь! А дело было так. Воевал я механиком-водителем тяжёлого танка ИС. Мы наступали на Смоленском направлении. Когда подошли к одному небольшому городку, в полку осталось всего два исправных тяжёлых танка. Командир пехотной дивизии, в полосе наступления которой мы действовали, обратился с просьбой к командиру нашего полка помочь хотя бы двумя машинами в атаке на железнодорожный вокзал и депо.

И вот, в назначенный день и час пошли мы в наступление. Без артподготовки пехота за двумя нашими машинами двинулась к вокзалу и депо. Я вёл свою машину на железнодорожный вокзал, а вторая шла на депо. К моему удивлению, на вокзале немцев не оказалось. Когда выскочил на привокзальную площадь, увидел такую картину: сразу за площадью

спокойный и неширокий Днепр, чуть правее мост, подготовленный к обороне и наверняка заминированный. На противоположном берегу реки видны орудия, кое-где копошатся, явно не ожидавшие нас, фрицы. Оценив обстановку, я направил свою машину на мост. Пехота, естественно, за мной. Не оказалось противника и в районе депо. Володя Сосков, механик второй машины, в сопровождении пехоты тоже вышел на набережную, а, увидев, что я рванул через

мост, последовал за мною.

Когда я въехал на мост, меня за плечо рванул командир дивизии пехотинцев, сидевший в моей башне за командира, и заорал: «Ты что!? Мост заминирован! Назад твою мать!» Понимая, что разворот, отход назад на мосту – смерть, что пехотный полковник этого может и не знать, а не воспользоваться случаем – глупость, я, резко прибавив газ, крикнул ему: «Не бзди, полковник, прорвёмся!»

А машина уже перелетела через мост, пехотинцы, следовавшие за танком, быстро резали провода системы подрыва и растекались по набережной. Не задерживаясь на набережной, я направил машину прямо на следующую улицу. Выскочив на неё, а это была улица Ленина, а значит центральная, я остановил машину, чтобы оглядеться. Слева и справа по улице немецкие солдаты неторопливо грузили в машины какие-то ящики, большущие чемоданы, пишущие машинки и прочее штабное и офицерское барахло.

Я и направил свою машину по улице влево, сминая гусеницами легковые и грузовые автомашины. Башенный стрелок открыл огонь длинными очередями из крупнокалиберного пулемёта. Несколько раз бухнул и из орудия. Володя Сосков рванул по Ленина вправо, проделывая то же, что и мы.

Вскоре фрицы опомнились и начали оказывать нам сопротивление. В городе, да еще в сопровождении пехоты, меня не напугаешь. Я, то на полной жму по улице, то, сминая заборы и деревянные сараюшки во дворах, перескакиваю на улицу параллельную. А в одном месте, крутнувшись вокруг дома, вышел в тыл к ихним артиллеристам, устанавливавшим против меня пушку, и сходу смял их.

Ближе к обеду я задом въехал в какой-то двор, затих, поджидая пока пехотинцы отгонят подальше немецких автоматчиков, чтобы не спалили машину. Жара в машине была несносная, июль же, и я полез в башню, чтобы через верхний люк глотнуть воздуха, да осмотреться окрест. За домом на улице шла перестрелка. Я глянул на полковника в надежде получить какую-то команду, но он по радиации всё время что-то говорил и на меня не обратил никакого внимания. Выглянул наружу и увидел, что в приоткрытую дверь дома на нас смотрит худенькая женщина. Я быстро выбрался из танка, подбежал к ней. В тёмном коридоре и на ступеньках, что вели в подвал, стояли ещё несколько женщин. Я спросил у них, как лучше объехать дома, что слева и выехать на западную окраину города.

– Ежай родненький через дворы прямо, потом будет парк, прямо через парк и выедешь на окраину. А слева будет дорога вдоль реки на Смоленск.

Слышу, стрельба переместилась от нас уже подальше. Поблагодарил женщин, нырнул в свой люк, приготовился к движению. Спросил полковника: «Едем дальше?» Он что-то стал мне говорить, но я не расслышал, а нашими жестами дать мне команду он не мог. Он же пехотинец. И я полез к нему. Когда приблизился, слышу зуммер вызова радиостанции. На каждом тяжёлом тогда была своя радиостанция. Полковник ответил. Понял я, что он разговаривает с командармом, притих, слушаю. Генерал, наверняка, спросил, где мы находимся, и попросил доложить обстановку. Полковник доложил, что находимся мы на улице Ленина, немцы оказывают сопротивление арьергардом, основные силы отходят на западные окраины города. Части его дивизии успешно сбивают заслоны и преследуют противника. После доклада полковник скомандовал выезжать из укрытия и двигаться дальше. А куда, я-то уже знал. Пересёк, я значит, улицу, двор и выехал в примыкавший к домам небольшой парк. Ни куда не сворачивая, пересёк его и выскочил на западную окраину городка. Смотрю, с ева по дороге растянулась колонна крытых машин, подводы, поспевают небольшие группы пехоты. Тут передо мной, в аккурат, кладбище, а там же кусты, деревья. Я огибаю это кладбище справа и выезжаю на дорогу. Во всю заработали стрелок с заряжающим, а я сходу в колонну и гусеницами, гусеницами... Делов мы там наделали немало. Жаль только, что за нами мало пехоты шло – взвода полтора, не больше. Основные же ввязались в уличный бой. Но и так получилось прилично.

Поутюжив на дороге, в город я вертаться не стал, вернулся на кладбище. Сразу у ворот спрятал машину за земляной вал от канавы ограждения. Горючее у нас было на исходе, да и от боекомплекта уже ничего не оставалось.

Вечерело, немцы спешно отошли, стрельба в городе прекратилась, слышалось только уханье пушек и миномётов где-то далеко за городом. Когда на дороге показалась колонна машин штаба дивизии, полковник вылез из танка, поблагодарил нас за помощь, пожелал удачи и побежал на дорогу. Мы вернулись в городок, нашли заправщика, заправили машину горючим.

Там же на окраине у одного дома стали останавливаться грузовые машины, эмки, виллисы. Мы оставили охранять машину заряжающего, а со стрелком пошли к тому дому, чтобы узнать, где наш полк и куда нам следовать дальше.

Я обратился к какому-то майору. Тот велел нам подождать, пока он всё разузнает. Во дворе дома мы попили колодезной водички, наполнили свои фляжки и присели на завалинку у дома. И тут из открытого окна дома слышим – заговорил радиоприёмник: «Внимание! Говорит Москва! Сегодня, части 5-й Ударной армии освободили город! Первыми в город ворвались пехотные части дивизии полковника...»

Храбрый полковник за эту операцию получил звезду Героя, а я получил звезду, но «Красную».

После войны на встрече ветеранов в Смоленске по случаю 30-й годовщины победы над Германией, я подошёл к белому как лунь генерал-лейтенанту, поздоровался, а чтобы герой — генерал меня вспомнил, тихо, на ухо произнёс слова, сказанные в танке, когда ехали по мосту.

В ответ генерал крепко обнял меня, прослезился и несколько раз повторил: «Это всё ты, чертяка, это всё ты...»

– Вот, теперича, и суди, кто освободил тот городок, – дружелюбно подмигнувши капитану, сказал Иван Прокофьевич, привычно пригладив свои седые усы и направляясь к стоявшему у штаба автобусу.

Телевизор.

В начале шестидесятых, молодым лейтенантом служил я в автомобильном батальоне. На огромной стройке работы велись круглосуточно и строго по графику. За каждым офицером начальник штаба батальона майор Андрющенко закреплял по несколько десятков автомобилей. Мы объезжали строившиеся объекты, карьеры, бетоннорастворные узлы, диспетчерские различных СМУ, контролируя и решая самые разные вопросы работы наших солдат водителей.

Я подобрал себе самосвал с водителем Керимовым, комсоргом одной из автомобильных рот. Месяцев шесть мы носились с ним на ЗИЛе по дорогам огромной стройки. Утром помогали закреплённым за нами водителям завестись и выехать на линию, а в зимние холода дело это очень не простое. Помогали устранять поломки в пути, обеспечивали бесперебойную поставку бетона и раствора на объекты, следили, чтобы водители не отклонялись от маршрутов.

Как-то по пути из батальона в автопарк Керим, немного помявшись, спросил меня:

– А что, товарищ лейтенант, мая харашо служит?

– Ты что, Керим? – ответил я. – Кто ж у нас, как не ты, лучший солдат? Что? Может, мы мало тебя поощряем?

– Андрющенко курилка гаварил, новые машина скоро привезут. Дай мне новый машин, а?

– Ладно. Поговорю с Андрющенко и с завгаром. Договорились...

После моих слов Керим улыбнулся и прибавил газу.

Дня через три вызывает меня начальник штаба в диспетчерскую и говорит:

– Ты просил своему Кериму новую машину, так вот сегодня оставляй его в гараже: после обеда поедем на станцию разгружать эшелон с новыми.

Отдежурив, в конце дня я проехал в автопарк глянуть, что за автомобиль дали нам с Керимом. Только я прошёл проходную, как увидел, что со стороны ремзоны с перепуганным, перекошенным и покрасневшим лицом бежит мой Керим.

– Ай, товарищ литинант, ай товарищ литинант! Ай, беда, бедаа! Ай, какой беда-а!

Его волнение невольно передалось и мне, и я выкрикнул:

–Что случилось!?! Что натворил?

– Нэт! Ничаго не сдэлал! Нэ нарушил! Нэт! Нам плахой, очен плахой машин дали! Панимаеш? Эта савсем не машин! Ездит на ном нилзя! Мая ни может! А наш уже атдали гражданскаму! Как будем ездит!? Панимаеш!?

Узнавши, что к чему, я стал успокаивать Керима и велел вести меня к новому автомобилю. Когда завернули за угол здания ремонтного цеха, на огороженной и охраняемой площадке я увидел два длинных ря-да сверкающих краской новеньких автомобилей. Были эти автомобили какой-то причудливой, невиданной ранее формы. Впереди, прямо на передних колёсах, особняком стояла небольшая тупоносая двухместная кабина. Под вертикально расположенным, слегка закруглённым лобовым стеклом шла вертикальная обшивка передка, оканчивавшаяся бампером. За кабиной на раме возвышался небольшой дощатый кузовок.

– Ну и чем плоха эта машина? – спросил я Керима. – Странная, но ездит же?

– Панимаеш, товарищ литинант? У нормальный машин кабина! Там сижу я. Патом рул, патом лабавой стэкло, патом матор и калесо. А эдат сматри какой! Рул, лабавой стекло и дарога. Матор в кабина! Понял? Нэт, эта не машин, эта тэлэвизар! Понял? Мая на такой машин ехат не может! Праси старый.

Не сразу согласился я на повторную замену автомобиля, но Керим был непреклонен, и я начал обхаживать начальника штаба. Завгар, не-много поворчав, после моего обещания с полочки «поставить», согласился:

– На той неделе прибывает опять эшелон. Этот уже из Москвы. Дадим тебе новую машину, всё- таки, как – ни как, комсорг батальона.

Я сообщил Кериму результат разговора с Андрющенко, на что он мягким, каким-то подкупающим голосом, глядя на меня своими чёрными, глубокими глазами, сказал:

–Товарищ литинант, прасти. Давай аставим этот машин, а? Мая уже маленько привикла. Хороший машин. Хороший. Прасти.

Сначала я возмутился и чуть не накричал на Керима, но он уже снова опустил свою вихрастую тёмную голову, бросил вниз как плети свои мозолистые в крупных жилах руки, а его большой, плоский, с симпатичной горбинкой нос принял жалкий вид и начал подрагивать. Весь его вид говорил – виноват, делай со мной что хочешь. За время нашей с ним службы случалось всякое. И каждый раз, в чём-либо провинившись, Керим принимал эту позу. А я при этом, не то что ругать, не мог даже повысить на него голос. Вот и на этот раз, я, молча, повернулся и ушёл прочь. За воротами автопарка сел в поджидавший меня автомобиль и поехал в часть на совещание.

По окончании короткого совещания у командира, я подошёл к начальнику штаба, извинился и стал просить оставить за мной УАЗ.

«Додик» мы с Керимом оборудовали на славу. Старыми одеялами утеплили кабину. На ДОКе во вторую смену солдаты из соседнего полка сколотили нам отличную фанерную будку. Полые стены будки и крыши засыпали опилками. Внутри будки у переднего борта установили широкую с мягким сиденьем скамью. В Управлении механизации солдаты сварили мне

небольшую буржуйку. Мы установили её слева от входной двери у заднего борта. По правому борту из арматуры сварили ящик для дров.

Ох, и поколесил же тот УАЗ по лесным чащам и горам Красноярского края. Сам я не охотник и не рыбак. Один только разок и смог съездить по грибы. Все выходные и праздники, а часто и в рабочие дни, мой Керим проводил то на рыбалке, то на охоте. И чаще всего, естественно, с майором Андрющенко.

Баба Катя и технический прогресс.

На высоком волжском берегу разрослось, посвежело новостройками небольшое, с исконно русским названием село. Хоть из-за близости к городу население села и растёт, но когда-то бывший не бедным совхоз развалился окончательно, в селе не стало работы. Все работоспособные потянулись в город. Вот и дети бабы Кати давно устроились в городе. К матери сыновья со своими семьями навещают регулярно. Обрабатывают немаленький огород, в исправности поддерживают большой родительский дом и все постройки.

Как часто ни навещают к старушке сыновья и внуки, как хорошо ни управляют её подворье, но уедут домой и остаётся она в большом добротном доме одна-одинёшенька.

В последнее время стала туговата на ухо, побаливает. Испереживались сыновья за маманю. Но вот на северной окраине села поднялась, засияла по ночам красными огнями вышка сотовой компании. Тут то и решили сыновья и внуки купить бабе Кате сотовый телефон. Всё знающий внук слетал в город, купил аппарат, настроил мудрёную штуквину на самый громкий сигнал вызова. Потом долго втолковывал бабуле, как ответить на звонок и как позвонить самой. Даже потренировал «ученицу».

Положил внук телефон на стол в передней и успокоенный укатил в город.

Соседский мужик Володя с утра залез под свой грузовик и разобрался со сцеплением. Неожиданно позвонил сын бабы Кати и, встревоженный, извиняясь за беспокойство, стал просить дойти до матери и глянуть что там и как:

– Звоним, звоним, а она не отвечает. Я после работы проскочу к ней, но сейчас, никак не могу. Выручи, пожалуйста, сходи, узнай, что там у неё, и перезвони мне.

Вылез Володя из-под своей кормилицы, вытер тряпкой руки, и как был в промасленной робе, поспешил через улицу.

Позвонил звонком, постучал в ворота – тишина. Тогда Володя, не долго думая, перемахнул через ограду в палисадник и давай осматривать окна дома.

Сразу отлегло у него от сердца, как только увидел у большого окна кухни рыхлившую землю и поливавшую рассаду, в прекрасном настроении пребывавшую бабу Катю. Завидев Володьку, баба Катя

вытерла руки о фартук и пошла открывать.

– Тётъ Катъ, – начал с порога Володька, – а чё не отвечаешь по телефону? Пашка всё утро звонит, а ты не отвечаешь. Переполошились...

– Не знаю. Никто не звонил.

– А ну давай проверим его, может, чего не так нажала.

– Пошли, глянешь.

Когда вошли в залитую весенним солнцем переднюю, баба Катя открыла скрипнувшую дверцу старого шкафа, вынула свёрток из чистой мягкой тряпицы, развернула его, извлекла телефон и протянула Володьке. Но тот телефон не взял, а развернулся и пулей вылетел из избы... Старушка в недоумении с минуту стояла посреди комнаты и выглянула в окно. Увидевши, что Володька с кем-то говорит по своему мобильнику, успокоилась. «Кому-то надо было срочно позвонить», – сказала она себе и присела на диван.

Позвонив и успокоив друга детства, от души насмеявшись, Володька зашёл в избу, взял со стола телефон бабы Кати, и, подойдя к изумлённой старушке, повесил его ей на шею.

– Это ещё зачем, Володя?

– Так надо тётъ Катъ! Только так его и носят, а то он работать не будет. Вот так его за фартук спрячь и носи, а позвонят – отвечай. Поняла?

– Да внучок-то мне тоже так говорил, но я решила его подальше прибрать. Вещица-то дорогая. Вот придумали – на мою шею, вот придумали. Всю жисть крестика не носила, а тут на те, носи.

Беззлобно повозмущавшись, добрая душа баба Катя засеменила к своей рассаде, смирившись с требованиями технического прогресса.

Шутники.

До поступления в военное училище я жил в маленьком провинциальном городке в своём доме. У нас водились домашние животные. И я хорошо умел подражать их голосам.

Молодым лейтенантом служил в одном славном полку. Большинство наших офицеров были фронтовики. К службе они относились ретиво, в дружбе были надёжны, знали цену шутке.

Однажды в середине ноября я допоздна задержался на службе. Полковой автобус давно ушёл, и добираться домой пришлось самостоятельно. На КПП части встретил тоже припозднившегося капитана Анатолия Ивановича Жукова. Наши офицерские двухэтажные дома располагались на окраине соседнего посёлка. Если идти напрямик через поле и овраг, то топать надо километра три.

Анатолий Иванович застегнул на все пуговицы новенькую плащ-накидку и предложил идти пешком.

Плащ-накидки ввели в форму одежды весной того года. К нам на склад большинство из них поступили очень больших размеров. Поэтому новинку получили пока всего несколько офицеров. Анатолий Иванович ростом был под два метра и накидку себе подобрал без проблем. Всю войну он прослужил в разведке. Новая накидка очень напоминала ту, в которой он красовался на фотографиях военных лет. Потому своей обновкой очень

дорожил, а носил её, не снимая, и в дождливую промозглую, и в тёплую солнечную погоду. В ноябре того года в Сибири уже были морозы, все мы давно одели шинели, а Анатолий Иванович всё ещё красовался в накидке.

У дежурившего на КПП солдата Анатолий Иванович прикурил «беломорину» и мы пошли. В темноте миновали непаханое поле, и тропинка спустилась в заросший смешанным лесом и кустарником широкий овраг. Когда по дощатому настилу мы перешли русло ручья, из кустов на нас зарычала собака. Она, очевидно, где-то раздобыла кость и вершила трапезу.

2

Анатолий Иванович, услышав недружелюбное рычание собаки, подхватил руками полы плащ-накидки и засеменял по тропе, выкрикивая: «Откуда она тут взялась? Мы ж её не трогаем, чего она, окаянная, рычит?» Я едва сдерживал смех, глядя на убегающего от собаки гиганта, и на меня нахлынуло озорство. Остановившись, я залился звонким собачьим лаем так, словно собака злобно нас атаковала. Анатолий Иванович, как со старта, рванул вверх по тропе. Отбежав подальше, он перешёл на шаг и прокричал мне:

– Ты чего отстал? Эта зараза запросто же может порвать мне накидку!

По узкой уже запорошенной снежком тропинке мы быстро поднялись из оврага на окраину посёлка. Капитан опустил полы накидки, шагал, ворча на собаку. Тропа вскоре вывела нас к первым постройкам. Анатолий Иванович успокоился и замолчал, а мне захотелось продолжить розыгрыш. На ходу я пригнулся пониже и у самых его ног опять выдал лай нападающей собаки.

– Пошла, пошла прочь! Гони её, лейтенант, гони! Вот зараза! – капитан снова подхватил полы накидки, крутанулся направо и налево, пытаясь во тьме разглядеть собаку, – ты чего стоишь? – крикнул мне.

Отвесив мне и собаке ещё несколько «комплиментов», придерживая свою драгоценную плащ-накидку, Анатолий Иванович поспешил на открытое, освещённое огнями близкой улицы место. Шёл он быстро, с опаской оглядываясь по сторонам. А ругал теперь не собаку, а меня:

– Н-е-е-т, лейтенант. С тобой в разведку ходить нельзя! Ты, оказывается, парень ненадёжный. На меня, понимаешь, нападает какая-то паршивая собака, а он ни гу-гу. На фронте мы таких не уважали, – бросал и бросал в мой адрес обидные слова бывалый вояка.

В конце концов, мне надоело его ворчание, да и обидно стало за упрёк в ненадёжности. И когда мы вышли на освещённую заасфальтированную улицу, я поравнялся с Анатолием Ивановичем и... залаял.

Капитан опешил. Постояв с минуту в позе памятника воину-освободителю, он подскочил ко мне, схватил меня своими ручищами за плечи и запричитал: «Ах ты!.. Ну, ты даёшь! Вот это да!» Но вот гигант замолчал, отстранил меня от себя, гмыкнул и, тоном, не допускающим возражения, пробасил: «Давай ещё!». Мне ничего не оставалось делать, и я снова залился звонким собачьим лаем. От сараев соседних домов в ответ

дружно ответило несколько собак, а столбом стоявший капитан загоготал на всю округу.

Так, смеясь, мы и дошли до наших брусчатых домов. Когда стали прощаться, капитан, крепко сжимая мою руку, попросил полаять ещё. Понимая, что, пока не исполню просьбу, руку из «железных тисков» не высвобожу, я негромко полаял. Жуков захохотал, а я, не знаю почему, вдруг решил продемонстрировать умение мяукать по-кошачьи. Сначала мяукал так, как это делают кошки обычно, а потом перешел на крик мартовского кота. Жуков удивлялся чистоте моего подражания и, хохоча, просил меня мяукать ещё и ещё.

3

Но вот в одном из окон первого этажа соседнего дома с шумом открылась форточка.

– У, черти! Брысь окаянные! – послышался голос жены начальника вещевого службы нашего полка.

Мы с капитаном шмыгнули за угол, и оказались у двери подъезда того дома и притихли. Поругавши кошек, женщина захлопнула форточку. Я тихо сказал капитану:

– Пошли.

– погоди, – сказал Анатолий Иванович, – давай ещё.

Я, было, стал возражать, пытаюсь уйти, но скалообразная фигура Анатолия Ивановича преградила мне дорогу, и я замяукал так, как мяукают кошки, когда просят пищу или открыть дверь.

На втором этаже ярким светом вспыхнуло окно. Послышались голоса в квартире, под окном которой мы стояли. Не сговариваясь, мы шмыгнули в подъезд и затаились под лестницей на второй этаж.

В подъезде было темно. Из открытой двери второй квартиры в коридор пробился слабый свет, и кто-то из мужчин вышел, готовый воздать коту по заслугам. Открылась дверь и на втором этаже. Вышедшая в коридор женщина позвала кошку, но, не дождавшись заблудяги, прошла на лестницу и крикнула мужчине с первого этажа:

– Где он там, окаянный? Орал, а теперь нету.

– Не видно, – ответил мужчина.

Он спустился по лесенке из нескольких ступеней к входной двери, плотно прикрыл её и вернулся в свою квартиру.

Хлопнула дверь и женщина наверху. В доме опять воцарилась тишина и я, осторожно ступая, направился к выходу. Но Анатолий Иванович взял меня за плечо своей ручищей и сказал: «Давай ещё!»

На этот раз я заорал таким воплем, словно хотел напугать капитана и освободиться от него. В одно мгновение защёлкали замки и запоры всех квартир, и тишину подъезда взорвала ругань женских и мужских голосов. Не сговариваясь, метнулись мы с капитаном на улицу. Пригибаясь, пробежали под светившимися окнами дома за угол и притаились в зарослях черёмухи. А из открытой двери подъезда несло:

– Поразвели эту тварь, спать не дают! – кричала какая-то женщина.

– Мне завтра на подъём, а тут! – гудел капитан Демьяненко.
– Валентина! Это ж ваш котяра орал!
– Ты что! – отвечала Валентина, жена свёрхсрочника Володи Мирошниченко, – наш Васька дома! Чего ему орать-то? Не веришь? Иди, погляди!

В дополнение ко всему на балкон в нижнем белье вышел замполит полка подполковник Шишкин. Он был заядлый охотник. В руках Василий Иванович держал красавицу двустволку.

– Вот я их сейчас окаянных! – сказал он, зевая.

Минут десять шумели жильцы дома, проклиная «котов». Когда все угомонились, и наступила тишина, через густой кустарник по-кошачьи тихо мы вышли в переулок и, договорившись никому о нашем хулиганстве не говорить ни слова, разошлись по домам.

4

Я, ей-богу, никому о нашей проделке не сказал ни слова, а вот Анатолий Иванович... На следующей неделе, на совещании офицеров части начальник штаба огласил график дежурств на декабрь месяц.

Нет и никогда не было, в армии такой части, где бы график дежурств на декабрь не вызывал споров, возражений и обид. Ведь никому не хочется заступать на дежурство тридцать первого декабря. Так всегда бывало и у нас в полку, но только не в тот раз. А дело в том, что дежурным по полку на тридцать первое декабря в графике значился капитан Жуков, а помдежем, естественно, – я. Возражать, как вы понимаете, мы не стали.

В новогоднюю ночь все офицеры полка гуляли-отдыхали, а мы с Анатолием Ивановичем несли службу.

После полуночи в часть позвонил Василий Иванович Шишкин. Он поинтересовался делами в полку. Я, сидевший в дежурке у телефона, доложил ему, что в полку всё в порядке, личный состав отдыхает, дежурный обходит подразделения.

Прощаясь, замполит пожелал нам спокойного дежурства, а я ему спокойной ночи. Василий Иванович с минуту помолчал, а потом произнёс: «Мя – у – у!», – и повесил трубку.